

Анжелика и Василий Немирович-Данченко: «Не порвалась связь времён»

Безнравственно наследовать землю, капиталы. Единственное наследство, которое должно передаваться из поколения в поколение, — это навыки, вкусы, привычка к умственному труду и способность к творческой заботе.

В.И. Немирович-Данченко

Как хорошо, что в современной Москве, с её повальным увлечением евроремонтами, сохранились ещё такие квартиры. Никакого бьющего в глаза богатства и подделок «под старину». Вещи, привычные и любимые, знают своё место, они незаметны и легки, старые мирно соседствуют с новыми, а главное — исправно служат хозяевам, сохраняя при этом достоинство и память о прошлом. Каждая вещь, будь то круглый стол на массивных ножках, лампа под шёлковым абажуром, прогибающиеся под тяжестью книг полки, старые фотографии, театральные афиши — не случайны, с каждой связано что-то из истории дома и живущей в нём семьи, её прошлого и настоящего, столь же яркого, насыщенного, делового, как было когда-то.

В этой квартире в тихом московском переулке уже много десятилетий живёт одна семья. Сюда, в новый мхатовский дом, после смерти жены переехал директор Художественного театра Владимир Иванович Немирович-Данченко с сыном и невесткой, здесь родился и вырос его внук, Василий Михайлович, а потом и правнучки, Катя и Настя.

При жизни Владимира Ивановича квартира была большая, просторная (по меркам того времени, разумеется, — сейчас комнатки кажутся тесными, коридоры — узкими). После смерти большую часть квартиры отгородили — там расположился музей великого реформатора русского театра, куда отдали самые ценные вещи, картины, книги. Во всеобщее достояние перешли семейные реликвии, дневники, письма. Осталось немного, но никого это не печалит. За тонкой фанерной перегородкой по-прежнему живой, тёплый дом, как и всегда, течёт обычная жизнь семьи, шумят и играют дети, приходят гости, садятся все вместе, как заведено издавна, за большой круглый стол, звучат смех, музыка и бесконечные российские разговоры о смысле жизни, о высоком и прекрасном.

Василий Михайлович Немирович-Данченко очень похож на своего знаменитого деда. Та же мягкость, интеллигентность облика. Аккуратная ухоженная бородка, взгляд чуть прищуренных глаз, элегантность и непринуждённость манер. Одним словом, — порода. Это особенно остро ощущаешь, когда видишь его на сцене... в роли Владимира Ивановича.

Жена Василия Михайловича, Анжелика, написала пьесу, и теперь они вместе играют на сцене МХАТа спектакль-концерт «Семь жизней Немировича-Данченко». Спектакль — потому что это пьеса для двух актёров, напряжённая, крепко сбитая, где каждая реплика строго документирована: строки из писем, воспоминаний, никакой отсебятины. Концерт — потому что в самые напряжённые, драматические моменты то Василий Михайлович, то Анжелика подходят к роялю, и льётся живая прекрасная музыка Рахманинова, исполненная с блеском истинных профессионалов. А «семь жизней» — это слова самого Немировича, который написал как-то, что чувствует себя прожившим несколько жизней, совсем разных, непохожих друг на друга, каждой из которых хватило бы для нормального человеческого бытия. Родился при свечах, умер при самолётах, застал крепостное право, трёх царей, пережил три революции и две страшные мировые войны... И правда, достаточно для одного, даже выдающегося человека.

Внук Владимира Ивановича, так достоверно и проникновенно сыгравший его на сцене, — не актёр, а профессиональный музыкант, пианист, композитор. Он закончил Московскую государственную консерваторию, много выступал с концертами, а потом, не в силах противостоять семейной, с молоком матери впитанной страсти к театру (театральный

ребёнок, вырос за кулисами!), пришёл-таки в родной МХАТ. Вообще-то его буквально заставили это сделать: старые мхатовцы, ученики и соратники Немировича, горячо настаивали, убеждали, уговаривали — не может, не имеет права внук Немировича жить без театра, и театр нуждается в нём. Думал — пришёл ненадолго, мечтал вернуться к концертной деятельности. Но вышло иначе. Уже 35 лет он там. Был концертмейстером, дирижёром, теперь заведует всей музыкальной частью театра, автор музыки к сорока с лишним пьесам и мультфильмам. Но, кажется, этого ему мало. Играет в «Семи жизнях». Недавно снялся в кино — исполнил одну из центральных ролей в фильме Нины Шориной «Переводы с восточного». А нынешним летом в немецком городе Майнце, в Домском соборе, была с большим успехом исполнена его пьеса для камерного оркестра, посвящённая великому Гуттенбергу.

Анжелика — тоже профессиональный музыкант, тоже училась в консерватории у великого Гольденвейзера по классу рояля. Они с Василием и познакомились в консерватории, в студенческом буфете. «Посмотрели друг на друга — и все, конец, — смеётся Анжелика. — Больше уже не расставались».

Сейчас Анжелика Немирович-Данченко профессор кафедры фортепьяно Московского государственного университета культуры. Талантливый музыкант, страстный просветитель, стремящийся передать молодым любовь к классической музыке, она подготовила несколько литературно-музыкальных композиций о великих музыкантах прошлого — Шуберте, Бетховене, Моцарте, Чайковском. С успехом выступала перед публикой. А потом, как говорит она сама, что-то вдруг кольнуло: почему же не рассказать людям о человеке, которым она бесконечно восхищается, — о Владимире Ивановиче Немировиче-Данченко? Анжелика уверена, что это он сам незримым образом подал ей эту мысль и заставил взяться за работу. Магия дома, ставшего родным и ей, и её детям, окружающие вещи, несущие след его незримого присутствия...

За те годы, что носит фамилию Немирович-Данченко, она многое узнала об этом замечательном человеке. Прочитала его книги, дневники, письма. Думала над его жизнью, где было много прекрасного, но и много горького, несправедливого. И не могла не испытывать боль от того, как искажена в общественном сознании могучая и светлая фигура, сколько наслоилося всяческой шелухи, сплетен, лжи, откровенного недоброжелательства и, разумеется, невежества. Словно он, Владимир Иванович, завещал ей узнать правду о нём и рассказать её современным людям.

Весь вечер на сцене двое. Немирович — Василий Михайлович — играет его без грима, в обычной одежде. И множество людей, с которыми сталкивает его жизнь, — далёких и близких, враждебных и родных, ненавистных и бесконечно любимых. Их письма, строки из книг, документов читает Анжелика, строго, подчёркнуто отстранённо, спрятав внутрь свои оценки и эмоции. Немирович и Станиславский. Немирович и Чехов, Горький, Лев Толстой, Достоевский. Их портреты на стене, их слова звучат в затихшем зале, и ещё музыка, живая, страстная, прекрасная музыка, которая объясняет то, что недоговорено...

В сорок лет — в середине жизни — известный, преуспевающий писатель, модный драматург, пьесы которого с успехом шли по всей России, вдруг решает отбросить наработанное и начать совсем новую жизнь (третью? четвёртую? пятую из семи ему отпущенных?).

Есть факты нашей истории, которые как бы растворены в воздухе, с детства входят в сознание каждого русского человека. Так, даже самые далёкие от театра люди знают о судьбоносной встрече Немировича-Данченко и Станиславского в «Славянском базаре», где было положено начало Театру с большой буквы, подобного которому не было в России ни раньше, ни потом, который на долгие годы стал символом духовности, напряжённого творчества, прекрасной работы мысли. Стал легендой, нашей национальной гордостью.

Но как же тяжело рождалось на свет это чудо! Сколько горьких разочарований, жертв, изломанных судеб. Сколько жестокости и непонимания. И всё же Театр состоялся, и жизнь — все семь жизней! — обрели высокий смысл. Вот об этом — спектакль, который

искренне и взволнованно играют два не-актера, два члена семьи Немировича-Данченко.

Когда Анжелика написала пьесу — впрочем, пьесы тогда ещё не было, была рыхлая, перегруженная деталями литературная композиция, — они с Василием собирались показывать её в библиотеках, музеях, в школах. «Вы должны сыграть это на сцене МХАТа, — сказала, нет — приказала Роза Сирота, замечательный режиссёр, много лет проработавший с Товстоноговым, Ефремовым. — Но для этого придётся поработать». И они работали, сокращали, переписывали, репетировали, и старенькая, почти слепая Роза Абрамовна, после работы, вечерами, муштровала их, лепила из сырого материала пьесу, из растерянных любителей — профессиональных исполнителей, — всё, разумеется, бесплатно, из чистой любви к искусству. К сожалению, не успела сделать всё так, как хотела, работу подхватила и продолжила — тоже бесплатно — режиссёр Евгения Кемарская. А потом фрагмент спектакля увидел по телевидению Олег Ефремов и открыл ему дорогу на сцену МХАТа. Собственно, иначе и быть не могло. Всё сложилось правильно, справедливо. Владимир Иванович Немирович-Данченко был бы доволен.

...И вот, взволнованные спектаклем, ещё не остывшие от эмоций, мы сидим в той самой подлинной комнате, где сживал Владимир Иванович, и в ушах ещё звенят его слова, которыми кончается пьеса: «Вы думаете, когда я умру, я оставлю вас в покое? Не надейтесь».

Круглый стол под узорчатой скатертью, уютная лампа, альбом с фотографиями тех, чьи живые голоса только что звучали со сцены, и ещё многих, многих. Так и кажется, что сейчас Владимир Иванович постучит в тоненькую стену, отделяющую его половину от половины сына (или внука?). Впрочем, он не стучал, звонил в специально проведённый электрический звонок, и это означало, что после спектакля у него собралась гости, и обитателей «малого дома» ждут за накрытым столом. И хоть надо было всего лишь перейти из комнаты в комнату, требовалась парадная форма одежды, причёска, свежая косметика и тому подобное. Никаких халатов и домашних тапочек — Боже упаси! Сам всегда безупречно одетый, подтянутый, корректный, даже если позади бессонная ночь или многие часы напряжённой работы, он требовал того же и от других. Даже будучи больным, с высокой температурой, принимал врача полностью одетым. И его сын, Михаил Владимирович, поступал так же. И Василий Михайлович, поддерживая семейную традицию, обладает той спокойной, не бьющей в глаза элегантностью, которая даётся только прекрасным воспитанием. Традиции в этой семье берегут — и бытовые, житейские, и более важные, касающиеся системы нравственных и духовных ценностей.

Владимир Иванович Немирович-Данченко считал, что «безнравственно наследовать землю, капиталы, что единственное наследство, которое должно передаваться из поколения в поколение, — навыки, вкусы, привычка к умственному труду и способность к творческой работе». Эти его уроки не пропали даром.

Я спрашиваю Анжелику:

— Каково было вам, молоденькой девушке, студентке, войти в дом, где ещё жива была тень его великого хозяина, принять обычаи и традиции незаурядной семьи и нести их дальше, развивая, передавая своим детям?

— Непросто, — отвечает она, — Мы с Васей полюбили друг друга с первого взгляда, как в кино. Но прошло время, прежде чем он счёл возможным привести меня в дом. Владимира Ивановича уже не было в живых, хозяйкой была Васина мама, Зоя Александровна Смирнова-Немирович. Но правила оставались прежние. Жили, как и при Владимире Ивановиче, людно, всегда были гости, накрытый стол, музыка и разговоры за полночь. Однако без приглашения, просто так, на огонёк, никто не приходил. А приглашали не всех, с выбором.

Обедали каждый день ровно в три, все вместе, опаздывать без особо уважительной причины было не принято. Помню, как Вася в разгар нашего романа звонил домой и долго извинялся, что не успевает вернуться вовремя. Пришла я первый раз, как на экзамен, но до сих пор с нежностью вспоминаю, как ласково, приветливо встретил меня Михаил Владимирович, Васин отец. Снял пальто, провёл в комнату, сказал комплимент — позволил мне, испуганной девчонке, почувствовать себя женщиной. Он был светлый, лёгкий, удиви-

тельно доброжелательный человек, его все любили. И очень красивый! Кстати, они с Василием похожи друг на друга, не зря мхатовские старики — Прудкин, Ливанов, Тарасова — путали «мальчиков Немировичей», называли Васеньку Мишенькой.

В разговор вступает **Василий Немирович-Данченко**:

— Отец был талантливый музыкант, закончил консерваторию, прекрасно играл на скрипке. Образованный, начитанный человек, знал несколько иностранных языков. Артистичный, с самого детства впитавший атмосферу театра, он прекрасно двигался, был очень пластичен — помню, он рассказывал, как они с молоденькой Любочкой Орловой отплясывали в саду «Эрмитаж» чечётку — это было одно из первых его появлений перед публикой. Он играл в Музыкальном театре, снимался в кино в Голливуде, где жил несколько лет вместе с Владимиром Ивановичем. Люди старшего поколения, может быть, помнят знаменитый фильм «Побег с каторги» — там у него была довольно большая роль. Однако карьеры не сделал, помешала болезнь. В Германии ему неудачно сделали операцию, и он начал катастрофически терять слух. Последние годы заведовал музеем в Музыкальном театре имени своего отца. Не озлобился, не ожесточился — до конца оставался блестящим светским человеком, прекрасным рассказчиком, дамским любимцем. Но главным в своей жизни всегда считал участие в делах отца, всемерную ему помощь. Всегда старался быть рядом. Я не знаю более преданного, любящего сына.

Анжелика добавляет:

— А я, если можно, расскажу о своей свекрови, жене Михаила Владимировича, Зое Александровне Смирновой-Немирович. Близком мне человеке, с которой мы прожили в мире и согласии в одном доме, одной семьёй много лет.

Зоя была красавица. Настоящая, всеми признанная. И ещё у неё был чудесный голос. Совсем девочкой приехала из Вологды покорять Москву — и покорила. Брала уроки пения у итальянского маэстро, играла у Таирова, потом, когда театр закрыли, с большим успехом пела в оперетте. Может быть, те, кто видел старый фильм «Сильва», вспомнят Зою — она играет главную роль. Первым её мужем был блестящий военный, сподвижник Тухачевского, министр гражданской авиации Лев Павлович Малиновский. Зоя блистала в высших правительственных кругах, присутствовала на правительственных приёмах, бывала в гостях на даче Сталина. За ней ухаживали Будённый, Енукидзе, сам Сталин поглядывал с одобрением. Но всё очень быстро кончилось. Малиновский разделил судьбу Тухачевского: был арестован и расстрелян. Зою тоже арестовали, несколько месяцев она провела в тюрьме. Выпустили её благодаря хлопотам Владимира Ивановича Немировича-Данченко. У меня нет никаких документов, подтверждающих это, о подобных вещах предпочитали не говорить. Но Зоя знала, кому обязана свободой и, может быть, жизнью, и рассказала мне об этом. Кстати, она ещё любила рассказывать, как после тюрьмы, бледная, похудевшая, пришла в Большой театр, и все знакомые, проходя мимо, отводили глаза и отворачивались. Её из своей ложи увидел Сталин, помахал рукой — и всё чудесным образом переменялось. Чуть ли не очередь выстроилась, чтобы приложиться к ручке.

Владимир Иванович взял Зою в свой Музыкальный театр, где она проработала много лет — пела центральные партии: Прекрасную Елену, Татьяну из «Онегина». Ушла со сцены в 53 года, в расцвете сил и таланта — не хотела, чтобы зрители видели, как она стареет. Такой был характер!

С Васиным отцом они были знакомы давно. Оказавшись в одном театре, поженились и жили в любви и согласии до самой его смерти — как и положено в семье Немировичей.

Василий подтверждает слова жены:

— Это, если хотите, наша семейная традиция — оставаться до гробовой доски с одной женщиной. Дед прожил со своей женой, моей бабушкой Екатериной Николаевной, почти 50 лет, и мы с Анжеликой уже подбираемся к 40 годам.

Екатерина Николаевна, Котик, как её называл Немирович, была дочерью барона Николая Александровича Корфа, знаменитого русского просветителя, педагога, создателя первых народных и вечерних школ для сельских детей. До сих пор в Нескучном, бывшем

имении Корфов, где Немирович подолгу жил и работал (это имение, кстати, в 1916 году он добровольно отдал государству — помните, что он говорил: «Безнравственно наследовать землю и капиталы...»), живут ещё люди, которые учились в организованных Корфом школах, по его учебникам. Николая Александровича помнят, чтут, недавно там был создан музей и цветёт ещё посаженный Немировичем могучий каштан.

Я не хочу рисовать слишком уж благостную картину. Владимир Иванович был человек страстный, легко увлекающийся. Их брак был испытан многим. Но дорожке Котика никого и никогда у него не было. Наверное, это самое главное. Владимир Иванович очень уважал жену, всегда с ней советовался, делился самым сокровенным — пожалуй, только с ней одной, потому что человек он был очень сдержанный, застёгнутый на все пуговицы. Обсуждал не только, что надеть, куда пойти и так далее, но и серьёзные творческие вопросы, связанные с театром, со сложными взаимоотношениями, сложившимися там. Екатерина Николаевна блестяще владела иностранными языками, была синхронным переводчиком во время деловых и творческих встреч в Париже, Берлине, Голливуде. Станиславский называл её «заведующей душевной частью театра». А Немирович писал, какой она редкостный человек, как всегда была ему поддержкой, как легко принимала материальные лишения, лишь бы отстоять его непродажность, его независимость. Дай Бог всякому так...

Я прошу Анжелику рассказать о её родителях. Они тоже музыканты?

— Они учились в консерватории, как и мы с Васей. Отец как раз готовил диплом, когда началась война. Он ушел добровольцем в ополчение и сразу же погиб. Мама по происхождению гречанка, Виктория Папандопуло. Поднимала меня в одиночку, в страшной бедности, но очень хотела, чтобы я занималась музыкой. Сама служила в консерватории концертмейстером, считалась очень сильной пианисткой, и вдруг, уже в 40 лет, стала серьёзно заниматься ваянием. У неё были персональные выставки, о её работах много писали. Лепила она в основном музыкантов — портреты Бетховена, Шопена, Скрябина, романтические, вдохновенные. К 100-летию консерватории выяснилось, что на могиле её основателя, Николая Рубинштейна, нет памятника. Никто из профессиональных скульпторов не взялся выполнить этот заказ за несколько недель. А мама взялась и сделала. Памятник её работы и сейчас стоит на Новодевичьем кладбище. Кстати, заплатили ей какие-то копейки, профком выписал как материальную помощь. И памятник Гольденвейзеру, нашему общему учителю, она сделала.

— Наверное, это у вас семейное: в середине жизни, в расцвете успешной карьеры вдруг братья за новое большое дело? У вашей матери — скульптура. У вас — литературный труд. Ведь пьеса «Семь жизней Немировича-Данченко», получившая, кстати, престижную театральную премию имени Станиславского, не единственная ваша работа?

— Да, это так, — соглашается Анжелика. — Сейчас мы с Василием и нашим любимым режиссёром Евгенией Кемарской репетируем новую пьесу, тоже основанную на письмах, — о любви Чехова и Книппер. Но о результатах пока говорить рано. Трудно.

Обращаюсь к Василию Михайловичу:

— Вы помните своего деда?

— Когда Владимир Иванович умер, мне было всего три года. В памяти отпечаталось, как на фотографии: дед на четвереньках, я верхом на нём, как на лошади. Ещё помню, как у деда показывали кино и как звонил звонок — значит, для меня было приготовлено что-то вкусное. Конечно, он и после ухода всегда рядом — я рос как бы с его личным присутствием. Живу в его доме, работаю в театре, который он создал, которому посвятил свою жизнь.

Жена добавляет:

— Когда я работала над пьесой о Владимире Ивановиче, я с головой погрузилась в то время, и мне порой казалось, что я очень хорошо знаю Немировича, лично знакома с ним, даже влюблена — у нас как бы разыгрывался некий виртуальный роман. У меня появилась привычка советоваться с ним, проверять то или иное моё решение: а как бы поступил

Владимир Иванович? Я преклоняюсь перед этим человеком, его мудростью, благородством, бескорыстием. И ещё — редкостным достоинством. Он всем был обязан себе, гордился, что с 13 лет ни от кого не зависел, сам зарабатывал на жизнь. И никогда не позволял материальным расчётам, молве, политике подчинять себя.

В этом спокойном, корректном человеке поражает активная сила добра, постоянное желание понять и помочь. Он ходил по инстанциям, хлопотал, просил часто за незнакомых людей. Спасал от голода, вызволял из тюрьмы (как Зою), посылал деньги, продукты, тёплые вещи. Кормил, наверное, с десятков старушек, давних знакомых, чьих-то родственниц или просто тех, кто написал ему с просьбой о помощи. Зинаиде Григорьевне, вдове Саввы Морозова, одного из основоположников Театра, самозабвенно ему служившего, — платили пенсию из особого мхатовского фонда. В советские времена фонд ликвидировали и пенсию платили Немирович со Станиславским, из собственных средств. Немирович ещё беспокоился: не надо ей говорить, пусть считает, что всё идёт по-прежнему.

Я задаю вопрос о том, что меня всегда удивляло: Немирович-Данченко — известный драматург, пьесы его ставят по всей России. Везде — кроме собственного театра. Трудно себе представить, что в наши дни директор, фактический хозяин театра, не предлагает к постановке свои творения.

Василий ответил:

— Одну пьесу поставили — «В мечтах». Но шла она недолго. А затеяв свой Театр, Владимир Иванович вообще перестал писать. Он говорил: «Чехов — это талантливый я». Не было ни зависти, ни чувства соперничества — только восхищение и горячее желание помочь, что, как мы знаем, ему блестяще удалось: осмеянная, освищенная «Чайка» стала крупнейшим театральным событием на сцене МХАТа, навсегда взлетев на его занавес. А ещё он отказался от Грибоедовской премии за лучшую пьесу сезона 1896 года, которую присудили его «Цене жизни», потому что в том же году была написана «Чайка».

— Я помню, что в Москве много ходило разговоров о сложных отношениях Немировича и Станиславского, об их спорах, чуть ли не вражде. Верно ли это?

Анжелика задумывается на минуту:

— Разве ответишь двумя словами, когда речь идёт о таких сложных, неординарных людях?

Станиславский, умирая, волнуется: «Кто теперь заботится о Немировиче-Данченко? Ведь он теперь... белеет парус одинокий. Может быть, он болен? У него нет денег?»

Немирович пишет на фотографии: «Константину Сергеевичу — моему другу? брату? жене? мужу? — не знаю, как назвать... Слишком неразрывно сплелись наши жизни».

Они любили шутить по этому поводу, спорили — кто из них скромная супруга, а кто ветреный, не сидящий дома муж. Брак не брак, а действительно превратились они за сорок лет общей работы в единое целое, которое, как любящих супругов, не разделить на половины. Сказано ведь, что браки заключаются на небесах, и тайна сия велика есть.

Станиславский по складу своей личности чаще был на виду, не только ставил спектакли, но и блестяще играл в них. Немирович часто уходил в тень. А ведь не будь его — не было бы и Театра, его философии, его эстетической и нравственной позиции. Сколько раз спасал он зашатавшиеся, запнувшиеся на месте спектакли, щедро раздавал себя в чужих, даже не осуществлённых работах. Никто этого не знал — только Станиславский. Понимал, как нужны они друг другу, и это знание было важнее, выше всех споров и несовпадений. Вместе жить, вместе умирать — слова Станиславского.

Это и есть для нас, ныне живущих, главные уроки нравственности, которыми надо верить свою жизнь и, как это ни тяжело, ни невыносимо порой, стараться передавать идущим за нами нашим детям.

— У вас нет сына, который бы нёс вашу славную фамилию?

Анжелика. К сожалению, только девочки, но ведь у них тоже могут быть сыновья, так что линия семьи не прервётся. Наша старшая, Катя (её называли в честь прабабушки), мне кажется, похожа на Зою, Васину маму. Такая же красивая. Её даже пробовали на роль На-

тали Гончаровой, но фильм не состоялся. Она, как и все мы, музыкант, закончила консерваторию, прекрасная пианистка, много и успешно концертирует — к сожалению, в основном не у нас, потому что живёт с мужем в Германии. Анастасия младше почти на десять лет. В детстве как бы пыталась компенсировать нам отсутствие сына — бегала в рваных шортах, дралась с мальчишками, была грозой учителей. Теперь выросла и превратилась в очень привлекательную девушку. Закончила музыкальную школу (говорили, что у неё настоящий талант), а потом резко отказалась от музыкальной карьеры, пошла учиться в МГУ, на филологический факультет — у неё большие способности к языкам.

— **Анжелика, вы теперь хозяйка большого, наполненного тенями былого и людской памятью дома. Удаётся ли поддерживать старинный домашний уклад?**

— Увы, не всегда. Раньше у нас тоже был полон дом гостей, после спектаклей собирались, музицировали. Теперь, когда девочек нет, дом затих. Мы оба много работаем, хотим всё успеть. Жаль тратить время. Не на друзей, конечно, — для них ничего не жаль, а на быт, покупки, кухню. Стараюсь всё по возможности упростить. Но ведь душа дома — это не только накрытый стол. Это работа, мысли, и — память. Во всяком случае так считал Владимир Иванович. И мы с ним согласны.

Татьяна КОСТЫГОВА